

Тимур Шаов — репортер с гитарой

Писать о Тимуре одновременно легко и непросто. Легко — потому что он открыт, общителен, охотно делится секретами своей творческой кухни. Непросто — потому что трудно точно определить сегмент, в котором он пребывает в большой бардовской семье. И если этих людей с гитарой можно как-то поделить на романтиков-костровиков, альпинистов-туристов, лириков, поющих о любви и цветах, то Тимур со своими песнями никак не вписывается в эти жанровые «фреймы».

Я бы, послушав его альбомы, побывав на живых концертах, все же попытался придумать ему определение — бард-репортер, где-то даже коллега с гитарой в руках. Уж очень много актуального, оперативного, что называется, на злобу дня находит отражения в его песнях. Они порой выглядят, как емкие саркастичные репортажи о нашей повседнежке. А их за годы работы на эстраде написана, исполнена, записана уже не одна сотня.

Ты даже говорил об этом на концерте, что, видимо, придется в маньяка перекалцифицироваться, чтобы увидеть направленный на тебя объектив камеры федерального канала.

— И даже песню в альбоме включил «Когда меня покажут по ТВ?» Но я, знаешь, особенно не переживаю и не стану накладывать на себя руки оттого, что не очень зовут в наши телешоу с лазерами. Повторяю, за те годы, что я работаю на сцене, у меня во многих местах России и за рубежом есть своя русскоязычная аудитория, с которой я всегда с радостью встречаюсь. Надеюсь, и они со мной — тоже. По крайней мере, тьфу-тьфу, для пустых кресел петь пока не приходилось.

Вопрос, который ты, наверное, не очень-то любишь. Ты медик по образованию, государство тебя учило, учило в Старопольском мединституте на гастроэнтеролога, а ты вон песенки поешь. Что скажешь?

— А сколько у нас выпускников МГУ, МАИ, других серьезных вузов работают много лет на эстраде и в театре, стали там мэтрами? Что касается меня, то государству, нашему дорогому Советскому Союзу, по медицинской части я отслужил сполна. После окончания мединститута в 1987 году я был направлен по распределению в родную Карачаево-Черкесию, но не домой, в «столичный» Черкесск, а сельским или, как я сам потом говорил, «земским» врачом в станицу Зеленчукскую (а жить пришлось в поселке Нижний Архыз, за 25 километров от работы). С женой и грудным ребенком мы сначала жили в деревенской халупе без воды, канализации и отопления. Вместе с нами жили мышки. А надо сказать, что моя жена очень боится мышей. Террористы, стихийные бедствия, эпидемии — это для нее все ерунда по сравнению с мышами. Поэтому, когда я уходил на работу в местную больницу, она забиралась с ребенком на стол и сидела там до моего возвращения. Потом над нами сжалилось местное начальство и мы получили однокомнатную квартиру в поселке Нижний Архыз — это маленький Академгородок при Зеленчукской обсерватории. Распределение в советские времена предполагало обязательство отработать три года, однако я задержался там на целых двенадцать лет. В 1996 году я послал кассету со своими песнями на конкурс «Московские окна», был замечен, вызван в Москву. Ну и закрутилось — концерты, запись альбомов, интервью на радио, выступления на телевидении (тогда еще ТВ меня не боялось). Долгое время я пытался совмещать песни и врачевание. Но в 1999 году пришлось сделать выбор, и я переехал поближе к Москве, в Дубну. Там живет мой старший брат Мурат, врач-психиатр. Он теперь глава нашего

рода. Я всегда старался ему подражать. В детстве он меня поколотил только один раз — было за что, и я запомнил этот урок на всю жизнь. Сейчас я живу в Москве. Счастливо женат уже более 20 лет, трое детей. Пишу песни, когда не лень.

Мне на твоём выступлении посчастливилось оказаться рядом с известным музыковедом Татьяной Николаевной Саульской, вдовой выдающегося композитора. Так вот, помимо твоих песен, о которых мы уже поговорили, и она, и я просто восхищены были инструментальной составляющей концерта. Там не просто «умца-умца» — аккомпанемент, который принят у бардов, у вас такие инструментальные «врезки» — Пако де Лусия отдохнет!

— Ну ты дал! Спасибо, конечно, приятно услышать, лукавить не стану. Тем более из уст Саульской, потому что я всегда восхищался творчеством Юрия Сергеевича, можно сказать, как и многие мои ровесники, рос на его песнях. Ну, а что касается инструментала, во-первых, ребята, работающие со мной, Коля Григорьев и Миша Махович безо всякого преувеличения — настоящие виртуозы! Во-вторых, соблюдая главную медицинскую заповедь «Не навреди!», мы считаем, что, если уж замахнулись на это дело — инструментальные экзерсисы, то надо это делать или хорошо, или не делать вообще. Вот мы и репетируем, занимаемся этим делом самым серьезным образом. Чтоб не навредить.

Несколько слов о твоей крайней (не буду, как летчики, говорить — последней) работе — альбоме «Перспектива». Что-то там многовато «чернушки», не находишь? Ты что, в пессимизм погрузился? Одни названия песен чего стоят: «Предостережение», «Конец эпохи романтизма», «Конец света, или Предсказание майя»...

— Да? Но напомню тебе, что пессимист — это просто хорошо информированный оптимист. По мне так очень даже веселый альбомчик получился. Там тебе и «Блондинки и брюнетки», лирическая песня «Моя любимая», посвященная жене, которая любит и терпит меня столько лет, философская песня «Афоризмы, выписки, цитаты».

Ну, вот, как я и говорил, прям «Аргументы и факты». Ну и что это — смех сквозь слезы?

— Незабвенный основоположник учения имени себя Карл Маркс очень правильно сказал, что с прошлым надо расставаться смеясь. Вот и я с нашим опостылевшим прошлым, его грехами, ошибками, идиотизмом, разочарованиями и пр. «радостями» помогаю своим зрителям и слушателям расставаться смеясь. Ну, а как у меня это получается, им судить.

Беседу вел
Владимир ПОПКОВ.

обалдевал, смеялся и восторгался едким пером Тимура, его потрясающим чувством юмора. А что было очень важным (и потом в ходе нашего знакомства подтвердилось тысячу раз), Шаов лишен ну просто стерильно-медицински (он, кстати, медик по образованию, но об этом ниже) какого-либо нарциссизма, которым повально заболевают те, кто хоть раз вышел на сцену и услышал аплодисменты в свой адрес. Я не стал, как это принято у многих моих коллег, ставить между нами диктофон и донимать Тимура вопросами «А что вы едите на завтрак?» или «Кого вы предпочитаете — блондинок или брюнеток?». Песни Тимура — прекрасная основа для вопросов, которые он сам затрагивает в своем творчестве. Вот по песням и решили строить интервью.

Итак, Тимур, я тут тебе придумал «бренд», обзовав тебя бард-репортером. Как тебе?

— Да хоть горшком называй. Я просто пишу стихи о том, что вижу, беру в руки гитару и пою потом об этом с помощью своих коллег и друзей — Николая Григорьева и Михаила Маховича.

И много поешь?

— Да знаешь, на безработицу не сетую, концертный график распisan на год вперед.

А вот как ты сам считаешь, у тебя именно своя, как говорится, целевая аудитория или на тебя придут любящие зрители?

— Скажу так. Любителям попы я вряд ли интересен, как, собственно, и они мне. На мне не блестят стразы, не колыхнутся перья, лазерные эффекты и балет — это тоже не мое. А вот те, кто привык слушать, прежде всего стихи именно, не тексты, как это часто бывает в попсовых песнях, а стихи, — они и есть мои зрители, многие уже давно ставшие друзьями.

Я видел на концерте, как тебя в записках просят испол-

нить те или иные песни. Значит, уже есть такие, которые популярны, они на слуху?

— Да, есть песни, известные уже много лет, среди них те, что написаны еще до моего переезда в Москву. Но они не из числа тех, под которые пляшут в ночниках и дискотеках. Мои песни, повторяю, для того, чтобы их слушать. Желательно в камерной, клубной, уютной обстановке, как в том же всеми нами любимом «Гнезде глухаря».

Ты даже написал «Былину о Попсе». У тебя классовая неприимчивость с ней?

— Отнюдь нет! Мало того, могу сказать, что много лет живут на свете и радуют нас очень достойные эстрадные произведения, которые тоже можно отнести к разряду популярной музыки. Вспомни, какие песни написал Арно Бабаджанян и спел Муслим Магомаев! Много было прекрасных песен и у других исполнителей. Я плохо понимаю и принимаю мишуру, которая окружает, зачастую бездарную музыку и нелепые тексты ни о чем. Эти «два кусочка колбаски» многие годы были эталоном нашей поп-музыки, возглавляли хит-парады и определяли вкусовую и интеллектуальную планку большого количества слушателей, особенно малоискушенной молодежи в провинции. Я вовсе не хочу кого-то осуждать или обсуждать, каждый живет и играет свою музыку, как говорится, в своей песочнице. Ну, а куда и к кому ходить — это выбор зрителя.

На одном из последних вечеров в Политехе любимый мною и тобою последний наш великий шестидесятник Евгений Александрович Евтушенко взял слово с тогдашнего министра культуры Авдеева, что в грядущий Новый год ты бы по каналу «Культура» вместо набившей оскомину поп-обоймы, наконец, покажут Грушинский фестиваль, его замечательных людей. Ведь, шутка сказать, фестиваль существует с 1968 года, еще с советских времен, на него съезжаются буквально со всей страны — от Камчатки до Калининграда — тысячи талантливых людей с гитарами, студенты, молодые ученые, поэты, литераторы, журналисты. Можно сказать, интеллектуальный цвет нации. Там поют прекрасные песни, достойные того, чтобы они звучали на федеральных каналах. Но, увы... Не знаю, насколько был властен министр культуры над ВГТРК, но никаких людей с гитарами на Новый год на «Культуре» мы так и не увидели. Ты, я знаю, лауреат Грушинского фестиваля, тебя там всегда тепло принимают. А Евгений Евтушенко посвятил такие строки «Грушинке»:

Россия наша не разрушится, пока в ней вечный Пушкин есть, и песни русские, и Грушино, и правит в ней не лезть, а честь!

На остальных каналах — десятка одних и тех же бесконечно поют свои «желтые тюльпаны». Ну, а в остальное время — менты, бандиты, олигархи да маньяки.

МАРШ ГЕДОНИСТОВ

Я хожу простой, но гордый,
С девальвированной мордой,
С тягой к чистому искусству,
С аллергией на козлов.
У меня нет состоянья,
Нет зато и несостоянья,
Есть жена, друзья и вера
В разнополоую любовь.
Все работа да работа,
До двенадцатого пота.
И кому оно охота?
Стоп, мальчишки, тормоза!
От работы кони дохнут,
От работы уши глохнут,
Ноги пухнут, руки сохнут,
Лезут бельмы на глаза!
Слава, слава гедонистам,
Урожденным оптимистам!
Кто способен в поле чистом
Даже в поле, в поле чистом
Отыскать, чего принять!
Не ругай меня, родная,
Что бываю с бодуна я,
Поголяю, поблужаю,
Свежей травки пощиплю,
Ибо жизнь — процесс нестойкий,
А кругом сплошные стройки —
Упадет кирпич на череп,
И привет, кого люблю!
Вон, в курятнике наш кочет
Не поет, а вяло вкочет.
Даже кур уже не топчет —
Конформист: пожрать, поспать.
Завтра ж будет теплым трупом
Возлежать в кастрюле с супом,
Так что лучше б спал с курицей
Да учился бы летать!
Как нас гады окружают,
Унижают, обижают!
Кто нас нынче уважает?

Только жены да друзья...
Слышь, подруга, номер помнишь?
Муж уйдет, ты звякни в полночь,
Ибо сволочь — эта сволочь,
А не сволочь — это я!
Перед сном, а также утром
И в столице, и в глуши
Изучайте Камасутру!
Это будет зело мудро,
Это будет от души!
На Гавайи не летаем,
На Канары не канаем,
Плесневидно проживаем,
Как у Горького «На дне».
Так ведь что ж на поезд гавкать,
Тут уж, брат, по Сеньке Кафка,
Да и можно слушать Баха,
Даже плавая в говне!
Кока-коле и полпорну
Все уж возрасты покорны,
Но не это возвышает,
Все ж доказано давно:
Сам Господь, творя приколы,
Воду превращал не в колу,
Не в нарзан, что характерно,
А в крепленое вино!
И сказал Господь — «Ликуйте!
Что откусите — прожуйте!
Говорю я вам: кайфуйте
И кайфовы будете!»
Ибо сказано — спасется
тот, кто в этой жизни претсд,
А, ханжи и фарисеи,
В рай билет не купите!
Запрягайте, хлопцы, пони,
Да погнажи вдоль реки,
Али мы мышей не ловим?
Али мы, в натуре, гоним?
Али мы не мужики?!